Ханс Тоструп[1]

День рождения 1898[2]

19 марта 1898

Сцена в салоне для путешественников, Гранд Отель.[3]

Весенний день. Впервые за всю неделю солнце стало пригревать. Около полудня.

Вдали у окна слева, в сторонке от весело несущейся по салону людской волны сидит представительный пожилой господин в элегантном стильном костюме, с пышной седой шевелюрой, с острым взглядом из-под поблёскивающих стекол очков и плотно сжатыми губами. Он смотрит прямо перед собой как будто в полусне.

Это Хенрик Ибсен.

Мы входим в салон и направляемся к старому поэту.[4] Мы кланяемся ему, и дружелюбно приветствующий нас всемирно известный семидесятилетний юбиляр слегка приподнимается, перекладывает с соседнего кожаного кресла цилиндр и перчатки, и мы садимся у окна под лучи весеннего солнца.

Он тотчас же весьма любезно вступает с нами в беседу, и мы, как полагается, справляемся о его здоровье.

— Я всегда чувствую себя отменно, – отвечает Хенрик Ибсен. – Никогда не болел, ни единого дня в своей жизни. Никогда не обращался к врачу. Никогда не прибегал ни к каким рецептам. А ведь считают, что я часто впадал в горячку и был подвержен всяким хворям.

Мы отвешиваем ему комплимент и затем спрашиваем:

— Как идут дела с вашим новым произведением? Вы уже многое успели сделать?

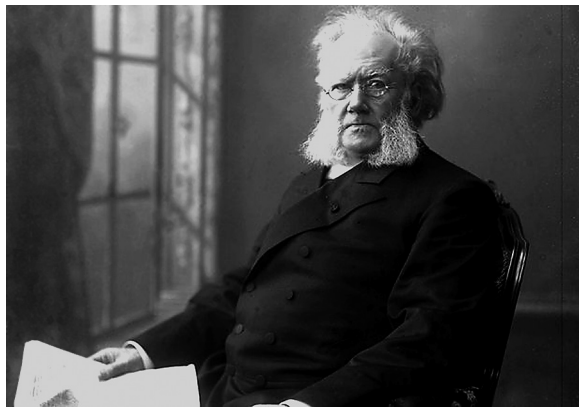
— О, у меня готова часть заметок и набросков.[5] То есть не то, что я буду непременно прямо использовать, но то, что может оказаться полезным, что стимулирует мысль и дает направление. Пока не более.

— А когда выйдет ваша новая книга?

— Трудно сказать. Я ведь занят сейчас совсем другим – немецким и датским собраниями моих сочинений.

— Последней корректурой?

— Нет, совсем нет. Я не читаю корректуру. Но приходится заново



Хенрик Ибсен. 1898

просматривать свои книги, чтобы увидеть, были ли допущены какие-то оплошности. А вообще я сам никогда их не перечитываю.

— Не перечитываете свои книги!

— Нет, – улыбнулся он. – Если книга уже выпущена, я ее больше не пересматриваю. Тут же принимаюсь за что-то новое.

— А о чем будет ваша новая книга?

Хенрику Ибсену явно не понравился этот вопрос. Но он всё же ответил и, как мне представляется, можно сказать, что следующая книга господина Ибсена будет, видимо, *резонировать со всеми прежними его работами, собранными вместе*, и представит то, что сам он испытал и пережил. Это будет книга, в которой он покажет, как его драмы связаны друг с другом, что все они появлялись согласно определенному плану.[6]

— Теперь, когда вы оглядываетесь на свои многочисленные великие творения, что вы, господин доктор[7], думаете о критике? Насколько вы довольны ею?

— Критики… о, у них, вероятно, были наилучшие намерения. Во всяком случае, мне так казалось. Но меня не всегда понимали. То же самое было и за границей.

— Какое из ваших произведений нравится вам более всех?

— Затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Мы немного поговорили о новой Кристиании. Ибсен находит ее совершенно неузнаваемой в сравнении с тем, какой она была в 1850 году, когда он впервые здесь оказался. Более подробной характеристики города, каким он ныне стал, Ибсен так и не дал.

Гранд Отель. Кристиания. Начало 1890-х гг.

О новом театре[8] он высказался следующим образом:

— Мне нравится новый театр. Очень нравится. Из всех других новых театров, появившихся за последние годы в европейских городах, где я побывал, нет ни одного, который нравился бы мне больше. Кроме венского Бургтеатра.[9] Но он ведь тоже обошелся в шестнадцать миллионов крон, хотя его все равно пришлось перестраивать.

После Кристиании мы перешли к разговору о Франции и России, о литературах этих стран.

По словам Ибсена, французской литературе нелегко дать определенную всеобъемлющую характеристику. Слишком уж она разнообразна и полна чужих влияний.[10]

— Мне по вкусу русская литература, – сказал он. – Особенно «Раскольников»… Вы читали этот роман?

— Да. Он всерьез меня захватил. Но все же не так сильно, как некоторые из ваших сочинений.

Ибсен бросил на меня пронзительный взгляд и продолжил:

— А еще «Анна Каренина» Толстого. Тоже замечательная вещь.

— Да, а как вам сам Лев Толстой?

— Ну, в те моменты, когда он не подвержен сумасшествию, это великий человек.

— Подвержен сумасшествию?

— Да.

Национальный театр. Кристиания. 1903

Мы улыбнулись.

— Лев Толстой, – продолжил Ибсен, – только тем и занимается, что старательно меня третирует.

— Третирует вас?

— Ну, конечно, – ответил Ибсен с легким примирительным смешком. – Это, впрочем, тоже естественно вытекает из его умонастроения.

Я попросил его немного рассказать о своей жизни.

— О, – ответил он, слегка кивнув, – об этом написано так много. Целая литература, хотя в ней не всегда все верно.

Он заговорил о некоторых своих путешествиях. Он путешествовал с 1864 по 1891 годы. Ему это было совершенно необходимо, сказал он. Упомянул он и пешее путешествие через Гудбраннсдален[11], горячо расхвалив тамошнюю природу.

— Вам нравится новейшая норвежская литература? – спросил я под конец.

— У меня на нее большие надежды. Имею в виду тех писателей, которые скоро явятся. Сейчас в литературе сильное брожение.

Мне показалось, что я чрезмерно затянул эту встречу, полагаясь на любезность старого поэта, и поблагодарил его за беседу.

— Ну, вы, наверное, подумали, что я слишком много тут всего наболтал! – сказал Ибсен с веселой улыбкой, встал и протянул мне руку.

Ибсен проезжает мимо памятника, установленного ему у Национального театра. Справа – памятник Бьёрнстьерне Бьёрнсону. Фото начала 1900-х гг.

— Господин доктор был столь любезен! – сказал я, пожал ему руку и отправился к выходу, глубоко восхищаясь остротой мысли и моложавостью этого человека, которому вот-вот исполнится семьдесят лет.

Перевод и комментарии А.А. Юрьева

[1] Автор – норвежский журналист, сотрудник ежедневной газеты «Ørebladet», выходившей в Кристиании (ныне Осло) с 1891 по 1924 гг. и придерживавшейся консервативного направления. На момент описанной встречи с Ибсеном Хансу Тоструп было тридцать лет.

[2] Интервью опубликовано в газете «Ørebladet» в канун юбилея Хенрика Ибсена, родившегося 20 марта 1828 г. Перевод выполнен по изданию: *Ibsen H.* Samlede verker: Hundreårsutgave / Utg. F. Bull, H. Koht, D.A. Seip. Oslo, 1952. Bd. 19. S. 211–215.

[3] Подразумевается самый дорогой и престижный отель в Кристиании, расположенный на центральной улице города – Karl Johans gate – справа от Национального театра.

[4] По всей видимости, Тоструп явился на встречу с Ибсеном вместе со своим помощником, записывавшим беседу.

[5] Имеются в виду подготовительные материалы к драматическому эпилогу «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», завершенному к концу осени 1899 г. и первоначально называвшемуся «День воскресения» («Opstandelsens dag»). Поскольку ниже заходит речь о Льве Толстом, заслуживает внимания причина перемены названия драмы. Когда рукопись была уже почти готова для отправки издателю, Ибсен прочел в газетах сенсационное сообщение о том, что Толстой после долгого перерыва написал новый роман – «Воскресение» («Opstandelse»), который скоро появится в датском переводе. И чтобы новая его пьеса не вызывала никаких ассоциаций с Толстым, драматург срочно переменил ее название.

[6] Ср. предисловие Ибсена к датскому собранию своих сочинений: «Только воспринимая и усваивая все мое творчество как внутренне связанное неразрывное целое, можно получить истинное, точное впечатление от отдельных частей. Поэтому мое дружеское пожелание к читателям, говоря коротко и ясно, сводится к тому, чтобы они не опускали в процессе чтения какую-либо из вещей, не перескакивали от одной вещи к другой, а усваивали произведения, читая и переживая их, в той самой последовательности, в которой я их написал» (*Ибсен Г.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Искусство, 1956. Т. 1. С. 56).

[7] Обращение «господин доктор» обусловлено тем, что в 1877 г. Университет в Упсале присвоил Ибсену статус почетного доктора.

[8] Подразумевается здание Национального театра, строительство которого началось в 1891 году по проекту Хенрика Бюлля. Театр открылся 1 сентября 1899 г.

[9] Новое здание основанного в 1741 г. венского Бургтеатра было спроектировано Готфридом Земпером и Карлом фон Хазенауэром в 1874 г. и после долгого строительства открылось в октябре 1888 г. на Рингштрассе.

[10] Как свидетельствовали современники Ибсена, близко его знавшие, драматург мало интересовался французской литературой, о коей он высказывался почти всегда критично – особенно в адрес Эмиля Золя, с которым драматург однажды сравнил себя так: «Он спускается в клоаку, чтобы в ней купаться, а я – чтобы ее вычищать» (см.: *Meyer M.* Henrik Ibsen: En biografi. Oslo: Gyldendal, 2006. S. 469–470, 493–494).

[11] Так называется обширная долина, расположенная в восточной части Норвегии и получившая известность как родина Пера Гюнта. Ибсен побывал в ней летом 1862 г., когда собирал фольклор, получив для этого стипендию Академической Коллегии в Кристиании.